

**Воропанов В. А.,**

кандидат исторических наук, доцент,  
заведующий кафедрой государственного управления,  
правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала  
Российской академии народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации

## ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫБОРНЫХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

**Аннотация.** В осуществлении правосудия в имперской России «дореформенного» периода законодатель отводил важную роль словесным судам, применявшим внесудебные процедуры и позволявшим существенно сокращать сроки производства дел.

**Ключевые слова:** Российская империя, право, суд, правосудие.

**Постановка проблемы.** Оценка эффективности имперской системы правосудия требует изучения особенностей организации и деятельности системы словесных судов, санкционированных и учреждённых российской верховной властью в XVIII-первой половине XIX вв.

**Цель статьи** заключается в изучении намерений, этапов и результатов правового регулирования российской верховной властью создания и развития системы словесных судов в условиях сословной организации и полиэтничного состава имперского населения.

**Изложение основного материала исследования.** Первой мерой, направленной на обеспечение фискальных интересов государства, стало удовлетворение потребностей торговых людей: указами от 1 февраля 1726 г. и 26 августа 1727 г. Сенат не только одобрил инициативу Главного магистрата о праве купцов разрешать споры по торговым обязательствам и договорам в словесных судах при таможах и ратушах, но и утвердил «устав», регламентировавший правила судопроизводства. Споры по коммерческим документам прекращались посредством третейского суда в составе лиц, назначенных сторонами или с согласия конфликтующих сторон таможенными судьями [1]. Вследствие отмены внутренних таможен указ от 5 мая 1754 г. передал словесные суды в ведение магистратов и ратуш. В состав словесного суда купцы ежегодно переизбирали двух судей. Для разбирательства дел во время ярмарок, а также в суды приписных городов магистраты и ратуши командировали одного из членов [2].

Возобновив активное строительство судебной системы в России, Екатерина II уделила словесным судам специальное внимание. Регламентация деятельности торговых словесных судов получила развитие в 1766 г., когда прокурор Главного магистрата обратил внимание коллегии на систематические нарушения законодательства. О наставлениях, выданных словесным судам магистратами и ратушами, Главный магистрат не располагал никакими сведениями, между тем, многие словесные суды самос-

тоятельно вели письменное производство дел, удерживая ответчиков под стражей по несколько лет. Прокурор указал на ведомости московского словесного суда, годами державшего должников под стражей. В целях улучшения правового обеспечения деятельности словесных судов 10 августа 1766 г. Главный магистрат опубликовал инструкцию, повелев, прежде всего, снабдить судей указными книгами, регламентами и уставами. Впредь правосудие следовало вершить «*кратко на словах*» в продолжение не более 8 дней. «*Знатных персон*» – дворян, штаб и обер-офицеров, крупных купцов, требовалось ожидать, посылая до трёх повесток. Разбиравшиеся дела вносились в повседневную «*журнальную записку*».

В магистраты и ратуши словесные суды обязались еженедельно посылать «*статейные списки*» о лицах, взятых под стражу. В выборе «*меры пресечения*» от судов требовалось «*поступать весьма осмотрительно*», допуская передачу ответчиков на поруки, содержа лиц («*колдников*») мужского и женского пола раздельно, «*не чиня при том никакого излишняго притеснения*». «*Словесные суды, – напомнили члены Главного магистрата, – учреждены на основании ея императорскаго величества законов, единственно для самых кратчайших и таких дел, по коим письменнаго производства и дальних справок быть не может*». По истечении 8 дней ответчики подлежали освобождению из-под стражи или пересылке с делом в магистрат (ратушу). Контракты оформлялись судом на гербовой бумаге с соблюдением установленных правил. Финансовые книги и отчёты проверялись вышестоящими органами. Судьи обязались «*крепко смотреть*» за исполнительностью и моральным обликом служителей. Ежегодная смена судей сопровождалась передачей описей оконченных дел и статейных списков лиц, находившихся под стражей [3].

Указом от 2 апреля 1781 г. на имя генерал-прокурора императрица ввела в действие наставление словесным судам, учреждённым на территории Санкт-Петербурга [4]. Согласно уставу городской полиции от 8 апреля 1782 г. [5], во всех крупных городах, разделённых на части от 200 дворов, полагалось содержать особые словесные суды (ст. 161). Магистратам возбранялось отягощать низший судебный орган обязанностями, выходившими за рамки полномочий, установленных законом (ст. 174). Суд обязался примирять спорящих и охранять частную собственность, разбирая дела на сумму иска до 25 руб. в срок не более

трёх дней, не принимая письменных прошений и не вступая в рассмотрение уголовных дел. В помощь судье придавались «выборные», присяжные свидетели и оценщики – до 5 «граждан» (ст. 163, 165, 169). Намерение фигурантов, недовольных решением словесного суда, перенести тяжбу в магистрат фиксировалось в журнале (ст. 172). Сомнения словесных судей, возникшие в правоприменительной практике, разрешались вышестоящими судебными органами (ст. 177). В мелких городах словесные суды заняли положение исключительных органов правосудия, находясь под надзором ближайших к ним магистратов.

Временные перемены в законодательство внёс Павел I, учредивший указом от 18 июля 1797 г. частные суды в составе пристава, квартального офицера и члена магистрата, позже заменённого особым ратманом, в целях поддержания общественного порядка и скорого удовлетворения жалоб, не влёкших для обвиняемых телесных наказаний [6].

Указами от 15 марта 1827 г. и 22 января 1831 г. Сенат подтвердил компетенцию и уточнил правила процесса, установленные для торговых словесных судов, учреждённых при магистратах и ратушах, и частных словесных судов [7], восстановленных в 1802 г. [8] «Существенное» различие статусов низших городских судов закрепил Свод законов. На основании актов 1726-1754 гг. выборные судьи торговых словесных судов продолжали осуществлять «разбор тяжб и споров между торгующими, как по частным (партикулярным) письмам, векселям, записным купеческим книгам и счётам, так и в безписьменных торговых делах, в поклажах, ссудах и других» [9]. Торговые словесные суды были востребованы и учреждены в Донском и Кавказском линейном казачьих войсках [10].

Екатерина II приступила к упорядочению системы традиционной юстиции. Указ Сената от 9 апреля 1763 г. закрепил право «разбирать между народом всякие ссоры» в среде государственных крестьян за выборными начальниками, принимавшими решения большинством голосов. В случае разногласия крестьянских судей дело выносилось на рассмотрение мирского схода [11, с. 127-128]. Местным органам дворцового управления рекомендовалось поддерживать стремление крестьян самостоятельно разрешать внутренние конфликты при помощи выборных судей в присутствии головы или старосты («на подобие третейского суда») [12]. Указ от 3 октября 1779 г. последовательно запретил вмешательство директоров экономии (руководителей первой экспедиции казённых палат) в судебные дела подведомственных им крестьян («чтоб помянутые экономии директоры, имея попечение о земледелии и хозяйстве в селениях казенного ведомства, и о приращении казенной прибыли с оброчных статей, не мешались ни под каким видом в суды и расправу между поселянами, оставляя им в малых делах разбираться на словах у людей, самими же ими в каждом селении из между себя избираемых, а в случае неудовольствия, таковы в важнейших делах судиться надлежащим порядком в нижних расправах») [13]. В январе 1781 г. выборным словесным судам были переданы «маловажные дела» крестьян, приписанных к уральским заводам [14].

Западная Сибирь виделась монарху наиболее удобной из периферийных колонизируемых областей для внедрения унифицированной системы волостного управления: в

январе 1782 г. пермский и тобольский генерал-губернатор Е.П. Кашкин издал на основе монарших инструкций «Наставление на постановление волостных судов» [15]. Законодатель, безусловно, следовал государственно-правовой традиции, назвав волостные органы административной юстиции вслед за уездными «судами». Местная администрация рекомендовала избирать на трёхлетний срок двойной состав членов волостного суда «ис числа первостатейных лутчих крестьян» – двух старост и четырёх выборных с их возможной взаимозаменяемостью каждые полгода. Как правило, сельские жители ограничивались формированием одной коллегии судей, сменявшейся ежегодно [11, с. 20].

Функции органов волостного управления, ставших незаменимой опорой уездных властей, оказались очень широки, их деятельность закономерно подверглась бюрократизации [16, с. 12-13]. Однако реализация судебных функций являлась приоритетным направлением деятельности волостных «судов». Должностные лица удерживали обывателей от подачи исковых заявлений в суды первой инстанции, стремясь примирить стороны, приглашая к разбирательству посредников, обязались «во всякой час принимать и выслушивать терпеливо жалобы, прошения, уведомления о содеянном в той волости непорядке, неустройстве и закона противности», были уполномочены брать обвиняемых под стражу. «Наставление» структурировало низшую администрацию для проведения предварительного следствия. Для выяснения обстоятельств рекомендовались формы вопросов к участникам уголовного процесса («во вред чей или чему учинено», «над кем учинено», «что учинено», «о способе или орудии», «о окольничествах» и др.). К проведению оперативно-розыскных мероприятий привлекались сотни, десятки и «лучшие люди» общины. Сведения по делу, содержание обвинений, результаты предварительного следствия фиксировались в «журнале». Губернская администрация напоминала волостному начальству о запрете на разбирательство уголовных дел. Так, указом от 31 августа 1795 г. Кольванское наместническое правление подтвердило, «чтоб старосты и прочие сельские начальники никакого роду воровства сами не судили, но чтоб непременно отсылали виновных в земской суд» [11, с. 129-130].

Аналогичная реформа по введению типовой системы низших органов управления была осуществлена в другом колонизируемом регионе империи – Екатеринославском наместничестве, где указ 1787 г. учредил с учётом количества домохозяйств в казённых селениях старшин, старост и выборных или словесных разборщиков. Для производства дел должностные лица собирались в мирской («сборной») избе. Судьи, уполномоченные разбирать незначительные споры и жалобы крестьян, обязались «все способы прилагать к их примирению». При необходимости приглашались сельские начальники. Последней формой разрешения конфликта до обращения в суд первой инстанции мог стать суд «посредников» [17].

Павел I, лишивший сельских жителей права участия в государственном управлении и осуществлении правосудия на уездном уровне, унифицировал низшее звено административно-территориального деления и усилил связь между бюрократическим аппаратом и органами крестьянского самоуправления, вручив власть в каждой волости

голове и заседателям, избравшимся на двухгодичный и годичный сроки, получившим жалованье, статусные привилегии и специальную правовую защиту [18]. Волостная администрация наделялась судебными функциями, обязавшись «в маловажных между поселян ссорах и исках расправу чинить и примирять, и в случае несоглашения или неудовольствия предоставлять им волю разведываться в судах» [19]. По указу Сената от 12 мая 1812 г. в круг дел, подведомственных волостным судам, входили «обманы разнаго рода» с суммой ущерба не свыше 5 руб., «легкие побои, или оскорбления в драке, или в ссоре», «пьянство, своеволие, непослушание, нарушение благочиния и кратковременная своевольная отлучка из селений», подлежавшие наказанию «по мирскому приговору домашним образом, или легким полицейским исправлением» [20].

Сибирская администрация сохранила размеры волостей, учитывая естественно-географические и демографические особенности провинций, ограничившись переименованием в 1800 г. волостных судов в волостные правления [21, с. 23]. Губернское начальство стремилось повысить роль волостных правлений, снижая нагрузку на уездные суды. Так, в 1800 г. Тобольское губернское правление предложило волостным судьям удерживать обывателей «кротчайшими мерами» от подачи в суды общей юрисдикции исковых заявлений, «никакого внимания не заслуживающих» [22, с. 139]. В ходе региональной административной реформы 1822 г. законодатель возложил типовое сельское управление в Сибири на волостные правления, старшин и десятников. Выборы проводились мирскими сходами в лице поверенных от 100 чел. ежегодно в декабре. Кандидаты в должности утверждались губернской и окружной администрацией [23].

Повышение роли официального суда, основанного на обычном праве, являлось одной из крупных целей реформы управления государственными крестьянами 1838-1841 гг. Для населения, поступившего в ведение специальных Министерства и губернских палат, были учреждены волостные и сельские расправы. Сельские расправы в лице старшин и двух сельских добросовестных являлись первой степенью «домашнего» суда, волостные, собиравшие для осуществления правосудия волостных голов и добросовестных, – второй. Волостные суды разрешали имущественные споры с ценой до 15 руб. сер. и назначали наказание за мелкие правонарушения с суммой ущерба до 30 руб., сокращая нагрузку на уездные органы [24]. Правительство анализировало результаты реформы. В 1843 г. Первый департамент Министерства государственных имуществ обратился в губернии с поручением «сделать соображение и сравнительную ведомость: какое влияние имело учреждение сельских расправ на уменьшение дел между крестьянами в уездных судах» [25].

После введения расправ сельский сход сохранил прежнее значение суда, разбиравшего основную часть «маловажных» дел. «Свой суд короче», – были, в частности, убеждены миряне на Урале [26, с. 69]. В Сибири, где реализация реформы затянулась, в силу демографических и социокультурных особенностей судебные полномочия в полном объеме закреплялись за волостными расправами [27, с. 151]. Фактические полномочия волостных правлений (расправ) на территории Сибири совмещали следственную, судебную и исполнительную деятельно-

сть, расширялись вплоть до постановления приговоров по уголовным делам [11, с. 130-131]. Иные особенности осуществления правосудия в волостных судах Сибири были связаны с производством дел о правонарушениях ссыльных лиц [28].

Вне типовой системы волостного управления находились частновладельческие крестьяне и сословия, занятые исполнением государственных служб. Низшим звеном в системе управления населением удельного (бывшего дворцового) ведомства с 1797 г. являлись сельские приказы, охватившие население до 3 тыс. чел. В роли словесного судьи, разбиравшего мелкие конфликты крестьян, выступал член сельского приказа – «приказной староста», обязанный «в маловажных между поселянами ссорах и исках расправу чинить и примирять» [29].

Законодатель последовательно закрепил право на обращение в словесные суды жителей казачьих областей. В титульном войске функции словесного суда осуществлялись «полными» и «частными» станичными сборами [30], а также станичными правлениями, уполномоченными разрешать уголовные дела с ценой ущерба и иски на сумму до 15 руб. серебром [31], наконец, лицами, выбранными конфликтующими сторонами («имеют полную свободу разбираться словесно чрез посторонних людей, либо, по согласию обеих сторон, при общем посреднике») [32]. Дополнительно словесные суды действовали при каждом сыском начальстве («для доставления войсковым обитателям простейших и удобнейших средств разбираться в их тяжбах по законам гражданским») [33]. Органы самоуправления «Калмыцкого кочевья» войска Донского (сотенные сборы) имели расширенные полномочия: разрешение дел о преступлениях с ценой ущерба до 30 руб. серебром («не более трех раз внутри кочевья учиненное»), а также удовлетворение любых имущественных исков. Вторую и третью «степени калмыцкой расправы» представляли Калмыцкое и Войсковое правления. Законодатель рекомендовал примирительные процедуры («средство примирения должно быть предпочтительно всем другим мерам») и выбор «посредников» [34].

Схожую организацию словесных судов получили Черноморское и Кавказское линейное казачьи войска [35]. Уральским казакам, также имевшим традиции обычного права, законодатель предписал проводить предварительные разбирательства посредством 2-4-х «посторонних людей» («сверх сих общих способов суда и расправы, дабы доставить войсковым обывателям средства разбираться в тяжбах их простейшим и с обычаями их сообразнейшим»). В случае отказа от выбора словесного судьи ответчик понуждался войсковой канцелярией. Избрание общего посредника превращало словесный суд в третейский [36]. В остальных казачьих войсках, как и среди горнозаводского населения [37], законодатель утвердил повышенную роль органов административной юстиции (горных и казачьих начальников), наделенных функциями словесных судов.

Наконец, интеграция этно-территориальных групп поданных в российский социум ускорялась посредством регламентации выборов и деятельности органов самоуправления. Так, татары Тюменского уезда с 1766 г. уполномочивали для решения гражданских и мелких уголовных дел «опекунов». Государственным органам



предписывалось «о есаиных по прозбам разного чина людей в долгах и в прочем (кроме криминальных, смертноубивственных и татинных дел) ни за каким делом в город не требовать и за ними нарочного не посылать». Опекуны представляли за общественников в воеводской канцелярии и городском магистрате, а также обязались «между вышеобъясненными татарами и другими разного чина людьми чинить по самой сущей справедливости достаточное распоряжение, избавляя обидимых от лица сильных, к тому со оных татар взяток подарков подвод безденежно без всякой законной нужды самим собою не брать под опасением по силе государственных законов штрафа, и телесного наказания». Юртовых жителей, «кто по тому словесному суду в каких ссорах или драках и прочих непотребствах явитца», повелевалось отправлять в Тюменскую воеводскую канцелярию [38]. При разборе имущественных дел опекуны и иные главы туземных общин руководствовались обычным правом и нормами шариата, приглашая к суду духовных лиц [39, с. 60-61].

После проведения волостной реформы, распределившей юрты между русскими судами, татары поспешили напомнить губернской администрации о самостоятельной юрисдикции своих властей. В феврале 1790 г. объединённые татарские общины Тюменской округи вновь избрали 5 опекунов, приведённых муллою к присяге в уездном центре. Нижний земский суд разослал указ о неподсудности юрт волостным судам [40]. Тогда же, в ноябре 1787 г., низшие органы управления с функциями словесного суда были введены в татарских аулах Астраханского края [41].

В 1820-х гг. законодатель дифференцировал этническое население, сохранившее социально-правовую автономию, на «оседлых», «кочевых» и «бродячих инородцев». Статусом «оседлых инородцев» пользовались сибирские и астраханские татары, жители армянских общин, в число «кочевых» и «бродячих» входили туземные народы Архангельской, Астраханской, Ставропольской и сибирских губерний, население бывших казахских жузов. Свод законов изданий 1832-1857 гг. зафиксировал как многообразие низших судов, применявших местные источники права, так и стремление верховной власти к сближению форм их организации и пределов подсудности.

Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. предусматривал три «степени словесной расправы», смыкая органы самоуправления сибирских туземцев и государственной администрации: родовое управление, инородную управу и нижний земский суд. Принадлежность лиц к разным территориальным общинам влекла их обращение к вышестоящему органу. Решение суда каждой «степени» вступало в силу в случае удовлетворения сторон или по истечении одного года. За сторонами признавалось право приглашать посредников после работы словесных расправ всех степеней. Решения посредников являлись окончательными. В качестве юридической базы для деятельности выборных органов и государственных судов законодатель запланировал свод «стенных законов», компилировавших обычно-правовые нормы и публикуемых на русском языке и языках коренных народов Сибири. Наконец, прекращение конфликтов, возникших во время «сугланов», поручалось временно избираемому старосте-смотрителю [42].

В 1820-х гг. губернское руководство наделило в фискальных интересах лидеров всех туземных коллективов полномочиями родового управления, в 1830-1840-х гг. – инородных управ. «Оседлые инородцы» активно обособлялись от волостной организации крестьян. Судебные функции родоначальники осуществляли в периоды решения ясных вопросов. Автохтоны предпочитали традиционные формы осуществления правосудия и апеллировали к авторитету органов государственной власти [43, с. 57-62; 44, с. 98, 99, 108]. Рассмотрение дел по заявлениям представителей коренных народов Западной Сибири в судах общей подсудности затруднялось незавершённостью трудов по компиляции правовых обычаев, обусловленной не только масштабами задач, поставленных перед местными чиновниками, но и процессами интеграции «инородцев». Положение Сибирского комитета, утверждённое 4 июня 1853 г., обновило требования по отбору кандидатов в публичные должности, допустив в их число лиц старше 21 года, имевших собственное хозяйство «и не только неопороченных судом и неоглашенных в дурном поведении, но и несостоящих под судом и следствием» [45].

Наконец, верховная власть планомерно распространяла унификацию территориальной организации населения на области, присоединённые к империи, жители которых имели сложившиеся формы организации правосудия на низшем уровне.

**Выводы.** Таким образом, правовое регулирование создания и развития системы выборных словесных судов в Российской империи было направлено как на повышение эффективности системы правосудия, так и увеличение роли органов публичного управления, учреждённых государством, обеспечивая благоприятные условия экономической деятельности и укрепляя социально-политическую стабильность. Верховная власть стремилась к законодательному и практическому включению традиционных видов осуществления правосудия в единую систему, сближая организацию и регламентируя деятельность низших судебных органов. Последовательная интеграция являлась приоритетным принципом судебно-правовой политики абсолютной монархии в периферийных провинциях. Применение широкого многообразия местных и локальных обычно-правовых норм в словесных судах позволяло государственным судам справляться с неуклонно росшим объёмом делопроизводства, знаменуя предварительный этап становления правовой системы имперской России, общих норм и стандартов правовой культуры населения её периферийных областей.

#### Литература:

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. I. Т. VII. № 4828, 5145.
2. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XIV. № 10222, 10486; т. XVII. № 12721.
3. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12721; т. XX. № 14392. Ст. 277.
4. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15121. П. 3; № 15146.
5. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 15379.
6. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 18053; т. XXVI. № 19343; Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 468. Л. 21.
7. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 961; т. V. № 4281.
8. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20143. П. 4; Российский государственный исторический архив. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 23. Л. 15–19.
9. Свод законов Российской империи (далее – СЗ РИ). Т. II. Ч. I. Ст. 4543-4558; т. XI. Ч. II. Свод учреждений и уставов торговых. Ст. 1771-1793.

10. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8163. Ч. III. Ст. 101, 104, 105, 574; т. XX. № 18739. § 305-311; СЗ РИ. Т. II. Ч. II. Кн. VI. Ст. 82, 83, 910; т. XI. Ч. II. Ст. 1462, 1471.
11. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. / Н.А. Миненко. – Новосибирск : Наука, 1991. – 261 с.
12. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XIX. № 14133. Ст. 3.
13. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14926.
14. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15115.
15. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. И-10. Оп. 1. Д. 4146. Л. 3-25.
16. Рабцевич В.В. Управление государственными крестьянами Сибири в последней четверти XVIII-первой половине XIX века / В.В. Рабцевич // Крестьяне Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск : Наука, 1981. – С. 3-30.
17. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16603. Отд. I-II, V. Ст. 4.
18. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 18082. П. 2-5, 9-12; ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1986. Л. 1-3.
19. ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1986. Л. 2 об.
20. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 25605; т. XXXIV. № 26960.
21. Рабцевич В.В. Крестьянская община как орган управления сибирской деревни в 80-х годах XVIII – первой половине XIX века / В.В. Рабцевич // Крестьяне Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск : Наука, 1980. – С. 3-27.
22. Рабцевич В.В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775–1825 гг.) / В.В. Рабцевич // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. – Новосибирск : Наука, 1977. – С. 126-150.
23. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29125. § 134-142.
24. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIII. № 11189. Ч. III. Ст. 464-472; ч. IV. Ст. 397-420; т. XIV. № 12166; СЗ РИ. Т. II. Ч. I. Ст. 4958-4967, 5385-5409.
25. Государственный архив Орловской области. Ф. 580. Стол 2. Д. 140. Л. 2.
26. Миненко Н.А. Самоуправление у русских крестьян Урала в XVIII – середине XIX века / Н.А. Миненко // Алпаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII-начале XX в. – М. : Наука, 2003. – С. 12-78.
27. Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX-начала XX веков / А.В. Ремнёв. – Омск : ОмГУ, 1997. – 253 с.
28. Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4403. Л. 2–5 об.
29. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 17906. § 177-179, 182. П. 1.
30. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8163. Прил. XII. § 98-100, 103, 115-129; СЗ РИ. Т. II. Ч. II. Кн. VI. Ст. 450-452, 456, 461. П. 10, ст. 462. П. 2, 467-481.
31. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8163. Прил. XII. § 130-137; т. XXVI. №. 24969. Ст. 7, 14; СЗ РИ. Т. II. Ч. II. Кн. VI. Ст. 482-489.
32. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8163. Прил. XII. § 138-143; СЗ РИ. Т. II. Ч. II. Кн. VI. Ст. 490-495.
33. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8163. Ч. III. Ст. 118; СЗ РИ. Т. II. Ч. II. Кн. VI. Ст. 96.
34. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8163. Прил. XII. § 8-23; СЗ РИ. Т. II. Ч. II. Кн. VI. Ст. 505-520.
35. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVII. № 15809. § 393; т. XX. № 18739. § 304; СЗ РИ. Т. II. Ч. II. Кн. VI. Ст. 799, 909.
36. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVII. № 21101. Ч. II. П. 11,12; СЗ РИ. Т. II. Ч. II. Кн. VI. Ст. 1149.
37. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Проект Горного положения. Ст. 23, 354, 823–828; СЗ РИ. Т. VII. Свод учреждений и уставов горных. Ст. 584, 772. П. 1, 4, ст. 1517, 1518, 1519, 1520, 1527, 1528, 1551.
38. ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 803. Л. 1-2.
39. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт / Ф.Т. Валеев. – Казань : Татар. Книж. изд-во, 1993. – 208 с.
40. ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 804. Л. 1-16.
41. Государственный архив Астраханской области. Ф. 423. Оп. 2. Д. 54. Л. 2–10.
42. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29126. § 68–72, 122–132, 139–141, 223–235, 257–259, 261.
43. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.) / В.А. Зибарев. – Томск : Изд-во том. ун-та, 1990. – 205 с.
44. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII–XX вв.) / А.Ю. Конев. – М. : Рос. АН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1995. – 217 с.
45. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVIII. № 27320.

**Воропанов В. А. Правове регулювання створення і розвитку системи виборних словесних судів у законодавстві Російської імперії у XVIII-першій половині XIX ст.**

**Анотація.** У здійсненні правосуддя в імперській Росії «дореформеного» періоду законодавець відводив важливу роль словесним судам, які застосовували поза судові процедури і дозволяли істотно скорочувати терміни виробництва справ.

**Ключові слова:** Російська імперія, право, суд, правосуддя.

**Voropanov V. Legal regulation of creation and developing the system of electoral verbal courts in the legislation of Russian Empire in the XVIII-the first half of the XIX centuries**

**Summary.** When executing justice in imperial Russia of the «prereform» period a legislator considered verbal courts to be important in applying extrajudicial procedures and in reducing terms of proceedings.

**Key words:** the Russian empire, law, court, justice.